

Н.М.НАГОРНАЯ
(Киев)

МАСТЕРСТВО ПЕДАГОГА
(Вспоминая учителя: к 90-летию со дня рождения
доктора филологических наук, профессора
Андрея Васильевича Кулинича)

Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Н.А.Некрасов. 1864 г.

Впервые об Андрее Васильевиче Кулиниче я услышала очень давно, почти в детстве, еще до поступления в Киевский университет имени Тараса Шевченко. В старших классах киевской школы № 143 в конце пятидесятых – шестидесятые годы уроки русской литературы вела однокурсница Андрея Васильевича, артистичная Людмила Владимировна Маслова. Мы, подростки, с нескрываемым интересом слушали ее рассказы о том, что на филологическом факультете университета читают лекции талантливые педагоги, известные ученые-литературоведы: академик Александр Иванович Белецкий, специалисты по древнерусской литературе и литературе XVIII–XIX вв. братья Сергей Иванович и Василий Иванович Масловы, Александр Адрианович Назаревский. Традицию продолжает молодой преподаватель, в недалеком прошлом участник войны, имевший ранения, прошедший суровую школу жизни, Андрей Васильевич Кулинич.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что для *моих* однокурсников первый-второй годы обучения в университете прошли под зна́ком ожидания встречи с Андреем Васильевичем, который читал историю русской литературы XX века.

Вспоминается один незамысловатый сюжет. Как-то, выходя из спортивного зала, располагавшегося тогда в Красном корпусе, мы (стаяка девушек-младшекурсниц) увидели такую сцену: к закрытой двери одной из аудиторий прильнул, буквально приклеился ухом, студент, очевидно,

опоздавший к началу лекций и – в духе тех времен – не решавшийся нарушить порядок и войти в аудиторию во время занятий. На наши вопрошительные взгляды («чего, мол, ты “прилепился” и подслушиваешь? что там интересного?») молодой человек нервно махнул рукой и взволнованно и умоляюще прошептал: «Тише! Не мешайте! Кулинич читает лекцию». Уверена, что рассказ преподавателя был выслушан в таких, не совсем обычных, обстоятельствах до конца, своеобразно продемонстрировав заинтересованное и уважительно-трогательное отношение вузовской молодежи к таланту педагога. Курьезный случай подлил масла в огонь ожидания. Этот, на первый (но только первый!) взгляд, непримечательный эпизод в череде обыкновенных будничных событий обладал все же каким-то провиденциальным смыслом. Он запомнился, стал одним из звеньев зевсовой цепи, связующей судьбы, универсально охватывающей жизнь всех людей и отдельного человека.

И вот, наконец, наступил день, когда в аудиторию вошел стройный, подтянутый, сразу же приковавший к себе внимание всех присутствовавших Андрей Васильевич Кулинич. Первое впечатление – мужественность, целеустремленность, душевная расположенность к студенческому коллективу, влюбленность в свой предмет.

Постепенно передо мной, сначала студенткой, затем аспиранткой и позже коллегой по кафедре, Андрей Васильевич раскрывался как человек широкой эрудиции, обширных знаний, доброжелательный, свободно мыслящий, автор большого количества исследований по русской литературе XX века. Общественное признание получили его труды (монографии, статьи, учебники) о поэзии 1920–1930-х годов, о творчестве А.Суркова, М.Шолохова, А.Твардовского.

В почти необозримом диапазоне профессиональных интересов, тем и проблем был, как кажется, особый центр притяжения – Сергей Есенин, к трагической судьбе и творчеству которого Андрей Васильевич обращался не раз в различные периоды своей научной и преподавательской деятельности.

Ставшая раритетом небольшая книжка о Есенине, на обложке которой первая буква «С» в имени поэта обвита веточкой березы, вышла в 1959 году в издательстве Киевского университета огромным тиражом 25 000 экземпляров и при этом не задержалась на полках книжных магазинов.

Фактически монография Андрея Васильевича Кулинича явилась одним из первых, созданных в «новом ключе» (не побоюсь слова, фундаментальных не в смысле объема, а по силе и весомости концептуальной идеи – защиты высокого художественного уровня и нравственной значимости есенинской поэзии) исследований о выдающемся лирическом поэте XX века, долгое время «не замечаемом» школьным и вузовским литературоведением, когда произведения Сергея Есенина числились по разряду: «Упадочные настроения среди молодежи. Есенинщина» (таково название одной из коллективных монографий 1927 года, упомянутое в книге).

«Одиозное понятие “есенинщина” настолько прочно вошло в литературный обиход, – писал о том времени Андрей Васильевич, – что “Литературная энциклопедия” сочла нужным дать обширную статью о нем».

И к моменту выхода книги не были изжиты и продолжали фигурировать в литературоведении слова-жупелы: «достоевщина», «толстовщина», долженствовавшие выполнять функцию пугала, внушающего ужас, намекающие на идеологические «грехи» авторов (кстати, по первому значению, жупел – «горящая смола и сера, уготованные грешникам в аду»). Литературоведению пришлось потратить не одно десятилетие на полное дезавуирование подобных «терминов». Мои высказывания на этот счет могут показаться сегодня тривиальными истинами («знаем! знаем!»), но, во-первых, постоянно возвращаться к урокам истории полезно для души, а во-вторых, будем помнить, что тогда, в начальную пору «оттепели», преодоление вульгарно-социологической инерции, забота и труд по «возвращению имен» (затянувшемуся, между прочим, до наших дней) требовали больших усилий, а подчас и мужества. Только сильный духом исследователь мог ставить перед собой такие задачи.

Критико-биографический очерк Андрея Васильевича о Есенине взбудоражил, всколыхнул своим появлением студенческую массу, воспринимаясь как глоток свежего воздуха. Поступившая для продажи в киоск университета брошюра разошлась в мгновение ока, благо, что и стоила недорого. Хватило не всем. Счастливые обладатели книги *показывали* ее одноклассникам, в прямом смысле слова «не выпуская из рук», опасаясь – «уведут!». Трудно было тогда предположить, что через годы, работая на кафедре рядом и под руководством Андрея Васильевича, я получу из

рук автора его новую, расширенную, монографию о поэте с теплой дарственной надписью.

Литературоведческий интерес к наследию Сергея Есенина не только никогда не угасал, но и в значительной мере поддерживался и упрочивался подвижническими деяниями есениноведов-первопроходцев, каким и был Андрей Васильевич Кулинич.

Книга 1959 года, рубежная по своей сути и значению, сломала стереотипы восприятия личности и творчества Есенина, развенчала легенды, необъективно, предвзято и искаженно представлявшие духовный облик поэта. Рано сложился и долго просуществовал миф о «нутрянном» характере таланта поэта-«самородка», о его даре «от земли» («поёт, как птица»), якобы не требовавшем больших творческих усилий, напряженной работы над стихом. Имя поэта сопровождали и другие мифы, также разлетевшиеся в прах под натиском приведенных в книге заслуживающих доверия свидетельств современников поэта, его писем, автобиографических заметок, автографов, рукописных вариантов, извлеченных из архивов. С полным правом Андрей Васильевич мог написать тогда: «Представление о Есенине как о беспечном таланте, мало или вовсе не заботившемся о повышении своей культуры, творившем легко и запросто, не знавшем черновой работы по отшлифовке стиха, – такое представление теперь можно отбросить как совершенно несостоятельное...»

Многие идеи книги, которые по условиям времени не могли быть востребованы, получили впоследствии развитие в литературоведении. Таково высказанное как бы мимоходом мнение Андрея Васильевича о влиянии духовных стихов, слышанных Есениным в детстве, на его последующее творчество.

Основательная осведомленность Андрея Васильевича в истории не только русской, но и украинской литературы, от древности до наших дней, удивляла и проявлялась на каждом шагу: в лекциях, выступлениях на конференциях, статьях, монографиях, устных беседах с коллегами. В 70-80-е годы Андрей Васильевич был вдохновителем и успешным организатором работы по кафедральной научной теме «История русско-украинских литературных взаимодействий», проводимой совместно с сотрудниками Института литературы им. Т.Г.Шевченко АН УССР.

Вспоминается тот настрой, который исходил от Андрея Васильевича – руководителя (заведующего кафедрой), его умение убеждать коллег в том, что постоянными константами историко-литературного исследования во все времена остаются писатель (творческая личность) и текст (произведение) и от этого саморазумеющегося обстоятельства нельзя уходить в схоластику, а самые авангардные методы филологического анализа все же должны проверяться логикой здравого смысла.

Критически относясь к перенасыщению учебного или научного текста модной (подчас туманной) терминологией, Андрей Васильевич в то же время справедливо отделял, так сказать, метафизическое бытие термина от реального содержания самого явления, обозначаемого этим термином. Скажем, компаративистика как наука, а точнее, термины «компаративизм», «компаративист», были долгое время не в чести, и с этим приходилось считаться; однако методика компаративного анализа, в противовес такому положению дел, получала все большее и большее признание и прикладное научное значение, выявляя свою специфику, а также становясь необходимым компонентом историко-функционального, типологического, сравнительно-исторического исследования.

Благодаря комплексному компаративному подходу в изучении межлитературных русско-украинских взаимодействий, анализу интертекстуальных связей работы участников кафедральной научной темы вышли на принципиально новый уровень, в чем была немалая заслуга Андрея Васильевича.

Историку литературы и биографу Андрея Васильевича будет интересен факт (возможно, не известный коллегам, особенно молодым), относящийся к раннему периоду деятельности профессора и связанный с изучением одного из эпизодов в жизни и творчестве великого украинского поэта Ивана Франко. Занимаясь изучением русско-украинских связей, Андрей Васильевич в архиве Ивана Франко обнаружил переводы из русской нелегальной народнической поэзии 1870–1880-х гг. (стихотворения Н.Морозова и Л.Тихомирова). Статья Андрея Васильевича, посвященная работе И.Франко над совершенствованием переводов, настойчивым, но безуспешным попыткам (на протяжении более чем трех десятилетий) опубликовать их вопреки тяжелым обстоятельствам жизни, цензурным запретам, пролила свет на запутанные моменты, расставила точки над *i*.

Досконально изучив архивные источники, аутентичные тексты переводов, рукописные редакции, историю мытарств Франко-переводчика, Андрей Васильевич в блестящей форме классического историко-литературного очерка дал свое видение проблемы, заявив о себе как о глубоком и тонком знатке украинской литературы XIX века. В качестве постскриптума позволю себе заметить: эта страница в творчестве учителя приобрела для меня особое значение, когда волею судеб через десятилетия довелось прикоснуться к той же теме. Оттиск статьи, предоставленный Андреем Васильевичем, напоминает о благотворном творческом сотрудничестве.

Вообще, надо сказать, Андрей Васильевич был большим энтузиастом архивоведческих «штудий». «Нет архивных материалов в работе – нет диссертации», – любил он повторять. Его научные исследования, доклады и сообщения, как правило, содержат немало ссылок на документы из литературных архивов Киева, Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда). Кажется, ему явно была по душе кропотливая, сосредоточенная, так отличающаяся от эмоционально-напряженной атмосферы лекций, работа с рукописями, никак не рассчитанная на скорый результат; именно здесь «в грамм добыча, в год труды». Приобщение студентов, аспирантов к архивному и текстологическому практикуму органически входило в программу университетской подготовки филологов – специалистов широкого профиля. Поколения студентов-филологов с чувством признательности вспоминают тот жанр занятий, который назывался «архивная практика». В задачи архивной практики входило ознакомление с архивными фондами писателей, приемами работы с рукописными текстами, посещение мемориальных писательских мест, встречи с литературоведами и деятелями литературы и искусства Украины и России. Памятен тот день, когда Андрей Васильевич привел нас, нескольких филологов-выпускников, в Институт мировой литературы им. А.М.Горького и сотрудница одного из отделов разложила перед нами рукописи произведений поэтов Серебряного века; к ним можно было прикоснуться, перелистать, испытыв благоговейный трепет. Комментарии Андрея Васильевича показывали, что он здесь не в первый раз, его работы хорошо известны. Об этом говорил и радушный прием, который был нам оказан. Оставило след в памяти и другое событие – посещение вместе с Андреем Василье-

вичем родового имени Л.Н.Толстого и встреча с последним секретарем писателя, хранителем Дома-музея в Ясной Поляне, литературоведом, мемуаристом В.Ф.Булгаковым, автором книги «Л.Н.Толстой в последний год его жизни». Ответив на наши вопросы о Толстом, его семье, ситуации «ухода», секретах творческой лаборатории, Валентин Федорович, заканчивая разговор, обменялся с каждым из участников беседы рукопожатием. Теперь можно сказать вполне серьезно: в большом историческом времени Толстой совсем рядом – нас разделяют всего лишь два рукопожатия. В начале XX века писатель протянул руку юному В.Ф.Булгакову, который на склоне лет приветствовал нас, молодое поколение.

Романтика архивного труда и текстологических разысканий, проводимых под руководством Андрея Васильевича и преподавателей кафедры, настолько захватила некоторых студентов и аспирантов, что со временем среди выпускников кафедры появились профессиональные, известные в научном мире архивисты, текстологи, издатели.

Но подлинной стихией Андрея Васильевича была лекция, устное слово, аура живого общения с аудиторией. Андрей Васильевич великолепно и органично владел всем арсеналом риторических приемов устной речи, ему был свойствен дар убеждения, эмоционального воздействия на слушателей. Вспоминаю, какое потрясающее впечатление производило в студенческие времена чтение в ходе лекции стихотворных и прозаических фрагментов, не театрализованное, но очень выразительное. Строки стихотворений сразу же запоминались, прямо с голоса врезались в память:

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне,

или из И.Бунина –

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

Самое главное, безусловно, – новаторский характер лекционных курсов Андрея Васильевича, их глубина и содержательная насыщенность, смелость концепций, яркость идей, имен, событий. Нередко в учебных пособиях историко-литературный процесс представляется как течение реки в медленных берегах. На этот счет шутили: «писатель пописывает, читатель почитывает», а критик, наверное, «покритиковывает». Андрей Васильевич решительно отвергал такую почти общепринятую установку. Он чувствовал «внутренний нерв» эпохи и умел раскрывать перед студентами драматическую составляющую литературного процесса, обнаруживать «горячие точки» на историко-литературной карте, сшибки мнений критиков, полемическую подоплеку изображенной писателями действительности, «гордые узлы» человеческих отношений в жизни и литературе. Не уходил от острых тем, высказывал свою субъективную точку зрения, чем вызывал доверие и воодушевление студенческой аудитории. Если же и бывало так, что некоторые явления в литературоведении (структурализм, например) или литературе (постмодернизм) вызывали у Андрея Васильевича сомнения в их научной и художественной состоятельности, то критика все же никогда не переходила в бескомпромиссное отрицание.

Свойственные профессору толерантность и чувство такта проявлялись во всем и каждодневно, помогали сохранять в любой ситуации сложившуюся на кафедре в течение многих лет дружескую атмосферу. Постоянно поддерживал других, никогда не выдвигал на первый план собственную личность, обладая редким даром иронии и еще более редким ныне – самоиронии. Не припомню ни одного случая, когда бы Андрей Васильевич кого-то распекал, отчитывал, «ставил на место». По личному опыту могу судить, насколько он был щедр на доброе слово в устных и письменных отзывах на дипломные работы, диссертации, открытые лекции.

«Я – поэт. Этим и интересен», – писал один из лириков XX века. «Я – преподаватель и педагог, этим и интересен», – мог бы сказать о себе виднейший представитель гуманитарной культуры нашего времени Андрей Васильевич Кулинич, ведь именно в преподавании реализовалось его жизненное предназначение, раскрылся большой духовный и интеллектуальный потенциал. Годы и десятилетия общения с Андреем Васильевичем, его нравственная позиция, выражавшаяся в самых различных ситуа-

циях вузовского бытия, убеждали в том, что для него преподавание было не просто определенным родом профессиональных занятий, не службой, а *Служением*. Андрей Васильевич вспоминается как талантливейший педагог, крупный исследователь литературы, мудрый наставник.